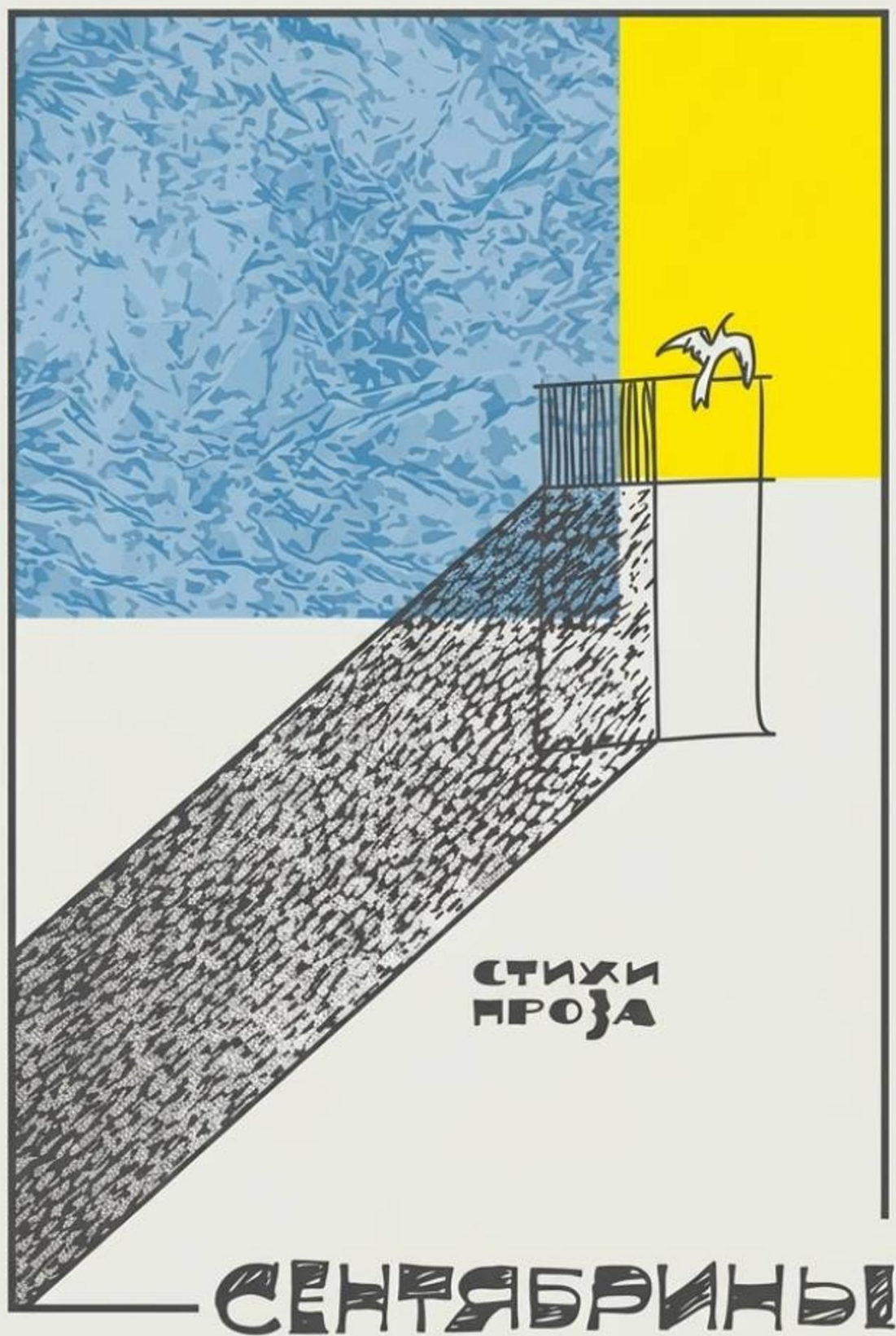

**ТАТЬЯНА
ЖЕЛУДКОВА**

18+

Татьяна Желудков
Сентябрины

«Автор»

2026

Желудков Т.

Сентябрины / Т. Желудков — «Автор», 2026

«Сентябрины» — искренняя книга о времени, которое невозможно вернуть, но можно сохранить в словах, воспоминаниях и историях. О людях, чьи судьбы напоминают нам о собственных корнях и о том, что действительно имеет значение.

© Желудков Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АВТОБИОГРАФИЯ	7
Сентябрины	10
Сентябрины	11
Привычка фронтовая...	16
Мой отец так любил...	20
На чердаке в облезлом чемодане...	21
Когда в заснеженные окна...	23
Поговорить мне с вами захотелось	24
Боль Беслана...	26
Памяти В. М. Шукшина	27
Дождь опять стучит по крыше...	32
Рыжий теленок родился вчера...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Желудков Сентябрины

Эту книгу посвящаю

моим родителям

Морозовым

Алексею Афанасьевичу

и Клавдии Егоровне

АВТОБИОГРАФИЯ

Татьяна Желудкова родилась в 1952 году в селе Алексеевка Башмаковского района – в глубинке Пензенской области.

Окончила Пензенское Училище культуры и искусств. Много лет работала в городе Заречном на ПО «Старт».

С 2000 года является членом литературно-поэтического объединения «Радуга». Печатаюсь в коллективных сборниках: «Радуга в сердце каждого», «Рассвет над соснами», «Гори, не гасни, радуга», «Если имя тебе – заводчанин», «Мы с тобою очень дружим».

«Монолог» – 2007 г. – поэтический авторский сборник Татьяны Желудковой. С 2005 года Татьяна Желудкова является членом объединения прозаиков «Былина» г. Заречного. Печатаюсь в коллективном сборнике «Человеческий фактор», в журнале «Сура». «Талая вода» – 2008 г., «Хочу картошки» – 2009 г. – авторские сборники прозы Татьяны Желудковой. «Сентябрины» – 2010 г. – сборник стихов и прозы.

Передо мной готовящаяся к выходу в свет четвёртая книга Татьяны Желудковой – «Сентябрины». С интересом знакомлюсь. Стихи и проза. Лёд и пламень?

Да нет, противостояния характеров, писанного великим поэтом в «Евгении Онегине» нет совершенно. Трепетная, порывистая поэзия и неторопливая, рассудительная проза здесь в одной тональности – мягкой, умудрено-житейской, и поэтому легко уживаются под общей обложкой.

Автор (как сообщает она о себе сама) находится в годах зрелых, поэтому и чувства её, вылившиеся на бумагу, зрелые, устоявшиеся, проверенные на ветрах и стужах времени, выпавшего на её долю.

А время детства было нелёгкое, послевоенное и само понимание, ощущение войны, её ледяное дыхание приходило к Татьяне через отца, его фронтовые переживания. Наверное, поэтому таким дочерним теплом дышат стихотворение «Привычка фронтовая» и рассказ «Когда зацветает сирень...», посвящённые отцу. Поэтому и сама она, переживая вместе с отцом его боль, могла сказать:

Не опалённая войной,

Я не слыхала канонаду.

Но поняла, какой ценой

Мир завоёван мне в награду!

Вообще, стихи с посвящениями (уже упоминавшийся – отцу; матери: «Когда в заснеженные окна...» и др.; А. В. Варламовой), стихи о деревенском детстве и юности («Помню детство...», «Тонули ноги в жирном чернозёме...») отличаются какой-то особой искренностью и теплотой. А посвящение медсестре Варламовой А. В. – к тому же профессиональной песенной лёгкостью. А всё потому, что пришли эти строки не от ума, а пропущены через сердце.

Строки, навеянные воспоминаниями о далёком детстве и юности, такие как:

Ветерок хватал за плечи,

Как игривый паренёк,

или:

Помню – вровень с крышей тополь,

Палисадник, лес, река.

...Как на мир глядела робко

Я – девчонка с чердака.

могут родиться только, когда всё это пережито самой, увидено собственными глазами и осталось в памяти навсегда.

Проза Татьяны Желудковой в какой-то степени производное от её стихов – так же искренна, душевна и правдива. Ибо все непохожие друг на друга сюжеты коротеньких рассказов – из жизни. Каждый из нас с похожими ситуациями наверняка встречался на своём пути. Отсюда и интерес – а как это будет выглядеть у автора? – Нормально выглядит. Хороший литературный язык, выдержанный стиль, лёгкий ненатужный диалог (что кстати, редко удаётся начинающим авторам) позволяет сказать, что перо Татьяны Желудковой одинаково уверенно чувствует себя в таких различных жанрах литературы, как «Лёд и пламень».

По эмоциональному воздействию и правдивости отображения жизненных коллизий можно выделить рассказы «Пропаж» и «Когда зацветает сирень...».

Я думаю, что читателю – и молодому, и накопившему большой жизненный опыт, будет интересно ознакомиться с творчеством Татьяны Желудковой. Четвёртый блин у неё получился явно не комом, хотя работать, конечно же, ещё есть над чем.

Остаётся только пожелать, не только удержаться на достигнутом уровне, но и продолжать штурм творческих вершин, какими бы недостижимыми они ни казались.

Виктор Иванов,

Член Союза писателей России,

Лауреат Всероссийской

литературной премии имени

М. Ю. Лермонтова.

Сентябрины

(песня)

Под окошком моим расцвели сентябрины.

Осень снова пришла и стоит у ворот.

Пламенеют под солнышком гроздь рябины.

День рождения мой в сентябре каждый год.
Сентябрины, сентябрины,

У Татьяны именины.

Я на волю печаль отпущу.

Посмотрите – совсем не грущу.
Осень я не гоню. Я, поверьте, ей рада,

Лишь она мне наряды красивые шьёт.

А тропинка в листве пламенеет у сада,

Не один юбилей мой, надеюсь, придёт.
Сентябрины, сентябрины,

У Татьяны именины.

Я на волю печаль отпущу.

Посмотрите – совсем не грущу.

Сентябрины

Под о - кош-ком мо - им рас - цве - ли сен- тя - бри -
ны Осень снова приш - ла и сто - ит у во - рот
Пла - ме - не - ют под сол - нышком гроздья ря - би - ны
День рождения мой в сентябре каждый год. Сен-тяб-ри-ны,
Сен-тяб-ри-ны у Татьяны и - ме - ни - ны. Я на во - лю пе-
чаль от - н - и - ц у, посмотрите, сов-сем не гру - и - цу.

Помню детство: доставали

Из кадушки огурцы.

Их с картошечкой съедали

Мать, отец и мы – мальцы.
Помню, солнышко пылало –

Круг оранжевый всплывал.

Двор наш тень перебегала,

Пряталась на сеновал.
А в домах топились печи,

Над деревней плыл дымок.

Ветерок хватал за плечи,

Как игривый паренёк.
На чердак я поднималась.

А ступеньки: скрип да скрип.

Оступиться я боялась,

Пёс дворовый в лае хрип.
И в коротком полушубке

Воду брат корове нёс.

У соседей дочка Любка

Громко пела: «Ой, мороз...!»
Помню – вровень с крышей тополь,

Палисадник, лес, река.

...Как на мир глядела робко

Я – девчонка с чердака.

Тонули ноги в жирном чернозёме,

Я семечки сажала вдоль межи.

Росточки, как солдаты в гарнизоне,

Тянулись к солнцу – юны и свежи.

В них было много силы и задора.

И скоро зеленел их стройный ряд.

Соседка Нина, стоя у забора,

Твердила мне: «А шляпки-то горят!»

Вся жизнь моя тогда была вначале.

Восторг на волю рвался из души.

И были мне неведомы печали

В глубинке этой, в Пензенской глуши.

Я пела песни весело и звонко.

Ждала свой первый в жизни урожай.

...И до сих пор бегут за мной вдогонку

Подсолнухи и просят: «Приезжай!»

После войны я родилась,

Не понимала поначалу:

Откуда боль в отце бралась,

Когда во сне опять кричал он:

– Опять обходят нас враги!

Пехота, поддадим им жару!

Здесь не от мамки пироги!

Мы тут воюем за Державу!

Шептала мама тихо мне:

– Война. Она всему виною.

Во сне он – снова на войне.

Опять воюет под Москвою.
Я слышала – отец стонал:

– Прогоним скоро фрицев, Зина!

Ты береги, родная, сына!

И лишь под утро затихал.
И вновь наваливалась ночь:

Горят дома, разрывы, трупы.

Никто не мог отцу помочь.

Война за ним шла неотступно.
Не опалённая войной,

Я не слыхала канонаду.

Но поняла, какой ценой

Мир завоёван мне в награду!

Привычка фронтовая...

Посвящаю моему отцу

Морозову А. А.

Осталась после фронта у отца

Привычка – в сапогах ходить повсюду.

В них на работу он спешил с крыльца

И к мирной жизни привыкал, как к чуду.

В них защищал блокадный Ленинград.

В окопе спал, их даже не снимая.

Прошёл отец через свинцовый ад,

И в сапоги впиталась пыль седая.

Садился дома он на табурет

И, обнимая голову руками,

Выкуривал полпачки сигарет –

Он молча разговаривал с друзьями.

Победы, отступления вспоминал,

Когда земля горела под ногами.

И как друзей в атаку поднимал,

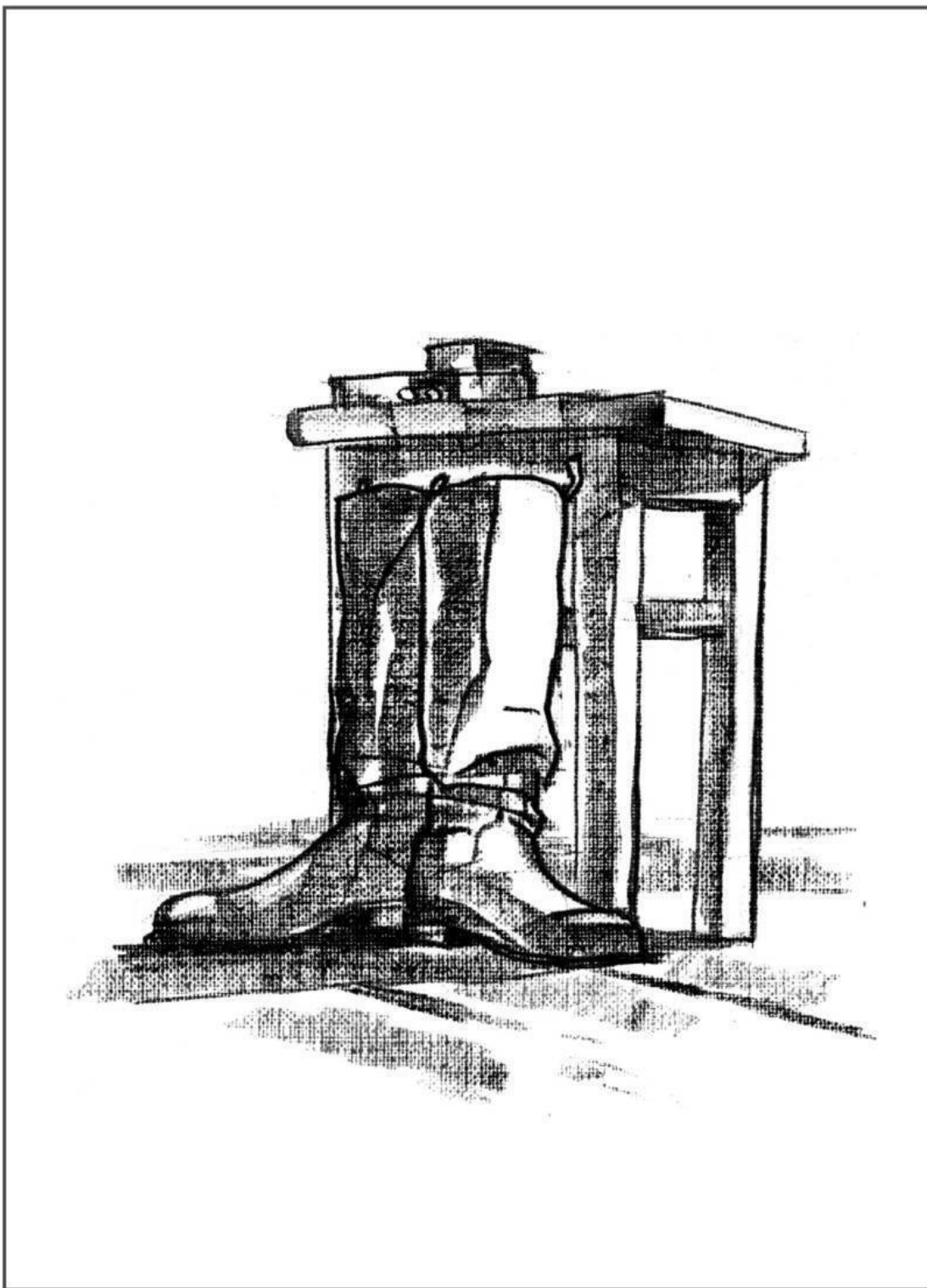
Топтал родную землю сапогами.

Когда отца не стало, отдала

Я сапоги соседу – дяде Ване.

А на крылечке много лет ждала –

Вдруг заскрипит мой папа сапогами...

Мой отец так любил

Запах белой сирени.

Надышаться спешил
Её сумрачной тенью.
Был задумчив порой,
Вспоминал, как солдатом
Грязь дорог фронтовых
Он месил вместе с братом.
Мой отец вспоминал
Взрывы бомб, гарь пожарищ,
Видел, как умирал
Там, в окопе, товарищ.
Но отец мой бежал
И кричал в исступленье.
Автомат прижимал –
Бил врагов в наступленье.
И отец мой мечтал,
Возвратиться с Победой.
Вёсны молча считал.
А в затишье в беседе
Дом родной вспоминал,
Пил сто грамм фронтовые.
Он тогда и не знал:
Рубежи огневые
Будут сердце держать
Очень в памяти цепко.
...Он на фронте мечтал
О сиреновой ветке.

После этой войны

Мой отец жил немного.

Устилали цветы

На прощанье дорогу.

Посажу я сирень

У отца на погосте.

На родительский день

Я приду снова в гости.

Мой отец так любил...

Муз. Е. Танаевой

Мой отец так лю - бил запах белой си - ре - ни
Надышаться спе-шил ее сумрачной тенью.
Был задумчив по-рой вспоминал как сол-да-том грязь дорог
фронта-
вых он ме-сил вместе с бра-том

На чердаке в облезлом чемодане...

На чердаке в облезлом чемодане

Я туфли мамы бережно храню.

Я в них ходила в детстве по поляне:

Форсила! Загляденье! Ну и, ну!
Я ваты набивала в носик острый

(Мне туфли были слишком велики).

Казалась я себе такою взрослой –

Шаги в них грациозны и легки.
Красивей туфель не было на свете:

Коричневый отстрочен ладно рант.

В них танцевать бы только на паркете!

Шнурки из шёлка, связанные в бант!
Их мама надевала лишь на праздник.

А я могла на прыгалке скакать!

Сминать порою умудрялась задник,

Но прыгать продолжала и считать!
Лет с той поры прошло уже немало.

Я лишь теперь открыла всем секрет–

Мне туфли дороги – их мама надевала.

И памяти светлее в мире нет.

Была когда-то мама молодая

Носила модный плюшевый жакет.

Подружки ей завидовали: «Ай, да!

Ни у кого в селе такого нет».

Но мама нос совсем не задирала,
Она себя с достоинством несла.
В глаза как будто небо забирала
И по деревне павою плыла.
Когда жакет снимала мама дома,
То нежно его гладила рукой.
И в уголочек вешала укромный –
Кусочек модной жизни городской.
Он пах её несбывшейся надеждой,
Был плюш нежнее пуха тополей.
...Давно истёрлись старые одежды,
Давно на свете мамы нет моей.
Я берегу лоскутики от плюша.
В минуты грусти я на них смотрю.
Будто живые, лечат мою душу.
Сильней с годами маму я люблю.

Когда в заснеженные окна...

Посвящаю моей маме

Когда в заснеженные окна

Прольётся сумеречный свет,

Я сдвину шторы очень плотно,

Достану старый синий плед.

Укроюсь им я на диване.

Согревшись, сладко задремлю.

Пусть остывает чай в стакане.

Я мамин взгляд во сне ловлю.

Она в цветастеньком платочке:

Июль далёкий. Полдень. Зной.

Внушает мама взрослой дочке:

–Живи ты радостью земной.

Тепло дари родным и близким,

Их от обид оберегай.

Встречай зарю поклоном низким,

Хандры и злобы избегай.

...Склоняюсь я в земном поклоне

И просыпаюсь. Старый плед –

Хотя давно уж мамы нет –

Напомнил мне её ладони.

Поговорить мне с вами захотелось

Посвящается моим родителям

Вчера легко смеялось мне и пелось.

Сегодня день мне выдался не прост.

Поговорить мне с вами захотелось –

Иду одна неспешно на погост.

Я вспоминаю, как мы с вами жили:

Всё было в доме просто и светло.

О том, что нет сберкнижки, не тужили.

Огонь в печи давал зимой тепло.

Чадила лампа едким керосином.

Она висела низко над столом.

А за окном стелился вечер синий,

Стожки сугробов высились кругом.

Мы вечерами слушали динамик

Спектакли шли всё чаще про войну.

Щекой ложилась на диванный валик –

На нём клонило сладко так ко сну...

Без вас теперь живу я и скучаю,

Но мне вас, дорогих, уж не вернуть.

На небеса частенько взгляд бросаю –

Мне кажется, ваш вижу светлый путь.

Посвящаю моему Учителю –

Кадниковой Татьяне

Вы мне в Поэзии – МАЭСТРО:

Вы в сердце тронули струну.

Теперь во мне звучат оркестры.

Гляжу с восторгом на луну.
Со словом Вашим на закаты

Любуюсь я, не нагляжусь.

Мечтала я давно когда-то

В стихах воспеть родную Русь.
И не случайна наша встреча.

Теперь живу я и учусь.

Я речки тихой слышу речи

И мысленно по небу мчусь.
И я не раз судьбе сказала:

– Вы разбудили в сердце звон.

За Ваш, Учитель, труд немалый

Примите мой земной поклон.

Боль Беслана...

Посвящается событиям в Беслане
Сентябрьский день, кругом цветы:

Астр разноцветье и гвоздик.

Но все надежды и мечты

Злодеи омрачили вмиг!
Вдруг оцепили школьный двор

Бандиты, на устах – Аллах!

И стали целиться в упор,

Надеясь в детях видеть страх!
А те кричали! Кровь лилась!

Был воздух опалён стрельбой.

...Вот в небо гроздь шаров взвилась –

Звала погибших за собой.
Глумились палачи три дня –

Шептали губы ночью: «Пить!»

Жизнь в детях теплилась едва,

И им хотелось очень жить!
И в сентябре который год

Шары взлетают к облакам.

Погибших помнит наш народ.

И мы скорбим с тобой, Беслан.

Памяти В. М. Шукшина

Была я в Сростках, в доме Шукшина.

Быт деревенский: выбелена печка.

Висит лампадка, сгорбленная свечка,

Накрыт скатёркой столик у окна.
Звнящая стоит в нём тишина,

В углу будильник – стрелки золотые,

Будто скорбя о смерти Шукшина,

Печально дзинькнув, навсегда застыли.
Когда ушёл он, зацвёл жасмин.

В саду собака ночью громко выла.

Мать маялась, и знал лишь Бог один –

Тоской огромной сердце затопило.
Тревога жгла: «Как поживает сын?

Уж больно он горячий да упрямый.

От пяток до макушки самой –

Ему всю правду на ладошку вынь.
Мать представляла Васино лицо –

Он морщит лоб, ладони потирает.

Когда светало, вышла на крыльцо –

К ней почтальонша с весточкой шагает.
...На всю деревню голосила мать,

Не веря в свою тяжкую потерю.

И лишь калина продолжает ждать.

Быть может, Вася скоро хлопнет дверью?

*Посвящаю медсестре
кардиологического отделения
Алле Владимировне Варламовой
Лёгкая походка,*

Беленький халат.

Медсестричка Аллочка

Лечит всех подряд.

Шприц в её руках – комар,

Лечит Алла – Зин, Тамар.
А глаза у Аллочки –

Будто у русалочки.

А улыбка Аллина

Как весной проталина.

Щёчки нежные как шёлк –

Зацветает даже столб.
Для сердечников – мужчин

Есть рецепт всего один:

В нашу Аллочку влюбиться –

И воскреснуть Феникс-птицей!

Мёртвый встанет как живой.

Шевелить начнёт рукой.
Лёгкая походка,

Беленький халат.

Медсестричка Аллочка

Лечит всех подряд.

Лечит Юль, Ирин, Наташ.

Алла – добрый ангел наш.

Детские протянуты ладони:

– Дай бумажку, тёенька, иль медь.

Скачут буквы на клочке картона –

«С голоду не дайте умереть».
На лице у мальчика разводы –

Замарашка долго был в пути.

Под себя поджав босые ноги,

Хочет в людях помощь он найти.
Шапку потерял свою мальчишка –

Прикрывает голову рукой.

Этим летом солнце греет слишком,

Мальчик лёг от тени далеко.
Кто-то на картонку бросил рублик.

Все спешат – своих полно забот.

Что мальчишке снится? Круглый бублик,

Что глядит с прилавка прямо в рот?
Сердцу больно – жалко бедолагу.

Он кому-то внук или сынок.

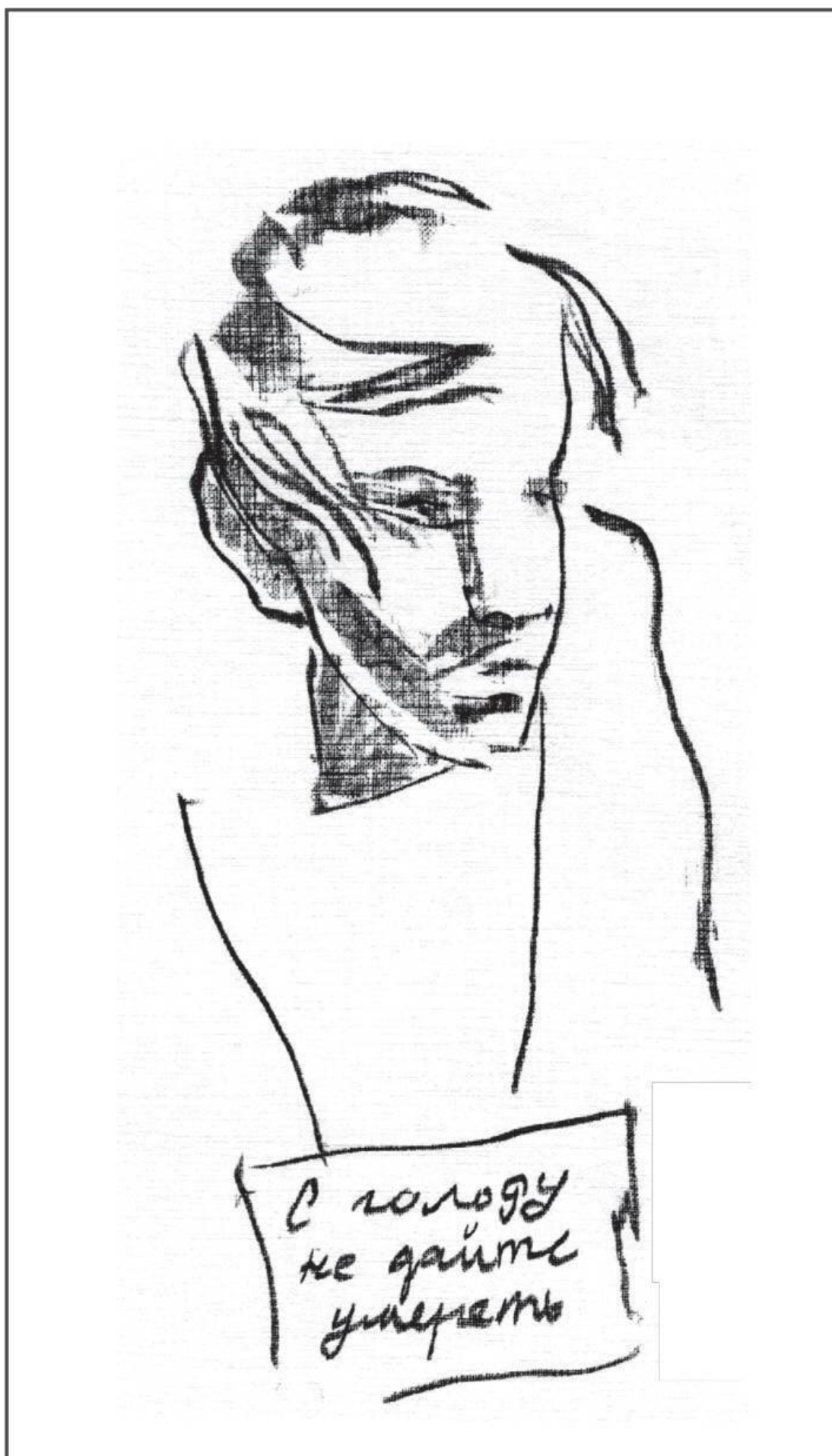
Напоила соком я беднягу,

Протянула вкусный пирожок.
Положила в грязную ладошку

Сто рублей – по цвету – как кирпич.

Кто поможет этой малой крошке?

Может быть, богатенький москвич?

Апельсины рыжие

Я несла домой.

Осень шла бесстыжая

По следам за мной.
Торопилась, смелая,

Обнажить всю стать –

Листья загорелые

След мой шли латать.
Осень пламенелая!

Разжигала страсть.

Глупая, несмелая,

В ней боюсь пропасть.
Перед ней, завистницей,

Наряжусь в берет.

Сберегу от хищницы

Солнышек пакет.

Дождь опять стучит по крыше...

Дождь опять стучит по крыше

И целует листья клёна.

В дрёме музыку услышат

Люба, Маша и Алёна.

Им под дождик сладко спится:

Смята белая постель.

Им ромашек поле снится –

Листьев нежных акварель.

Колыхание осоки,

Речка в бликах золотых.

...Под застрехою – сороки

Прячут от дождя хвосты.

Успокойся утром, дождик,

Силы лишние не трать.

Пусть из радуг вспыхнет зонтик

Чтоб девчонкам с солнцем встать.

Рыжий теленок родился вчера...

Рыжий телёнок родился вчера

У нашей Мулатки – коровы.

Бродил полусумрак, спадала жара.

На небе плыл месяц подковой.

Я, дверь приоткрыв, в хлев тихонько вошла.

Мулатка над сыном хлопочет:

Она в материнских приятных делах –

Ласкает телёнка, щекочет.

Массирует чадом своим языком.

Над ним тёплым воздухом дышит.

Я им не мешаю. Любуюсь тайком.

Они меня даже не слышат.

Телёнок на ножки впервые встаёт,

Ещё он шатается, слабый.

Волнуется мама: «Как рвётся вперёд!»

Следит, не свалился он кабы.

А в ночь подою я коровку свою.

Телёнок попьёт на здоровье.

Мулатку за труд накормлю, напою –

За бабскую жизнь, за коровью.

Внучка Таня говорит

Поутру сегодня так:

Не скучал чтоб синий кит,

Положу его в рюкзак.

И ещё я заберу

Мишку, кошку, кенгуру.

Кукла Барби мне нужна:

В школе быть она должна.

Я спросила: «Как же так?»

Хочешь в школу взять рюкзак?

И зачем быть Барби в школе?

Похвалиться хочешь Оле?

Кенгуру и мишка –

Это уже слишком.

А возьмёшь ты кошку –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.